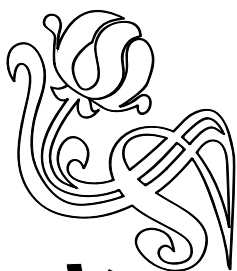

Елена
Бриолле

**ЧЕРНЫЙ,
КАК ТАЙНА,
СИНИЙ,
КАК СМЕРТЬ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Екатерина Ирмеш*
Оформление серии *Анастасии Зининой*
Иллюстрации *Алексея Дурасова*

Бриолле, Елена.
Б87 Чёрный, как тайна, синий, как смерть /
Елена Бриолле. — Москва : Эксмо, 2023. —
320 с.

ISBN 978-5-04-172035-3

Франция 1910-х годов... В мире искусства происходят громкие загадочные преступления. Распутывать их доверяют лучшему сыщику Парижа — отважному месье Лемуару.

Он пишет картины и подкручивает усы. А еще он блестящий сыщик — Габриэль Лемуар. В мае 1912 года ему поручают расследовать обстоятельства смерти дочери германского посла. Отношения между Францией и Германией накаляются до предела. Только в силах месье Лемуара сохранить хрупкий мир в Европе. Он приступает к делу и... в погибшей узнает натурщицу, которая совсем недавно позировала ему. Неслыханная забава для дочери посла! Что еще скрывает смерть девушки?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172035-3

© Бриолле Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Культура — это лишь тоненькая
яблочная кожура над раскалённым
хаосом.

Фридрих Ницше

Глава 1

Потерянный рай

16 мая 1912 года, четверг

Сил больше не было. Дышать становилось всё труднее. Она кашляла, кашляла и судорожно пыталась поймать ртом ночной туман. Единственное весло зашаталось и соскользнуло в воду. Её трясло от холода и от мысли, что если она не выплывет, то никто так ничего и не узнает.

Пытаясь унять кашель и боль в разрывающихся лёгких, она медленно опустилась на дно лодки и посмотрела в небо. Звёзд не было. Девушка взяла в руки свой тяжелый, как её жизнь, талисман. Глаза стали закрываться, потом она снова закашлялась... В голове звучало только одно: «Fluctuat nec mergitur... Fluctuat nec mergitur...»¹.

* * *

В мае весь Париж при первой же возможности пересяживается на велосипеды и несётся за город. Всем хочется забыть о душевных магазинах, кабинетах и квадратных комнатах и отправиться в компании друзей навстречу легкомыслию и веселью.

Честные работяги и мидинетки, студенты и кабинетные крысы собирают утром корзинку с бутербродами и мчатся на площадь Этуаль². К ним подъезжает

---

¹ «Его топят, а он не тонет». Латинский девиз Парижа.

² Современная площадь Шарля де Голля, на которой расположена Триумфальная арка.

пыхтящий паровой трамвай № 38, упаковывает по сто человек в свои вагоны и увозит счастливых за город.

Чопорные и менее чопорные дамы с кавалерами, детьми, собаками, соломенными шляпами и зонтиками дружной толпой осаждают поезд, уходящий в Рюэй-Мальмезон и Шату. Они кутаются в платки, чтобы не дышать сажой и дымом, и поднимаются на империал. Многие уже друг друга знают, а остальные скоро познакомятся.

У станции шумную толпу встречают и ведут к эллингам. Мужчины переодеваются в экзотические матроски, сапоги и подкручивают усы в форме велосипедных рулей. Их спутницы поправляют воланы на платьях и раскрывают голубые, желтые, зелёные и красные шёлковые зонтики. На головах выбравшейся на отдых публики красуются «горшки с цветами», «дыневые колокольчики», «бразильские широкополые шляпы», рыбацкие береты с красными помпонами, мягкие кепки моряков и жокеев, полосатые колпаки и даже вызывающие пиратские платки!

Спустив лодки на воду, парижане забывают о столичных проблемах. В одной лодке дети подгоняют сидящего на вёслах папу, чтобы тот обогнал соседей. В другой — молодой повеса играет со своей спутницей в «да и нет». В третьей хором горланят песни и кричат «Оэ!» при встрече с другими водными путешественниками. Ялики, душегубки, байдарки, челноки сталкиваются, смешиваются и скрещиваются, при этом парусники Аржантёя игнорируют паромщиков из Круасси, а ялики Шату соревнуются с лодками Буживаля, пытаясь похитить у соседей понравившуюся им красавицу прямо на воде. Над всеми ними возвышается пароход «Турист», перевозящий пассажиров от вокзала д'Орсэ в западные окрестности Парижа.

После первого заплыва взмокшие от пота столичные «речные волки» пришвартовываются к берегу. Наступает время «обедов на траве» и легкомысленных сиест в тени деревьев. Кто побогаче — спешит в одну из прибрежных закусочных. Здесь подают свежепойманную рыбку с жареной картошкой. Закусочные борются за каждого клиента и зазывают их на свой манер. В одной играет аккордеон, в другой за дополнительный франк можно поцеловать хозяйку, разбить тарелку или получить чашку кофе.

В знаменитом «Доме Фурнез» Альфонс-старший устраивает праздники, водные турниры, ночные «венецианские прогулки», регаты и танцы. Его сын, Альфонс-младший, сдает в аренду лодки и учит новичков правильно орудовать вёслами. Мадам Фурнез управляет гостиницей и кухней, а дочь Альфонсин прислуживает в местном кафе и позирует обаятельным художникам-импрессионистам.

Главное слово выходных — «опьянение». Опьянение от качки на воде, от дешёвого, не обложенного акцизом вина, от любви и от безумных вечеров.

Под конец дня утомленные парижане отправляются танцевать кадрили, а самые смелые ритмично выплясывают акробатические па «каю». Все плавают, едят, поют, курят, пьют и любят до последнего свистка поезда. Наконец в одиннадцать часов ночи Сена прощается с жужжащим роем лодочников и погружается в сон.

17 мая 1912 года, утро пятницы

Эмиль вышел из каюты. Какая благодать! Влажный воздух, как старый друг, заполнил его лёгкие и разгладил морщины обветренного лица. Шкипер «Дьяволицы» провел ручищей по длинным седым волосам и вздохнул.

Баржа Эмилию досталась от отца. Здесь шкипер жил и здесь же всю неделю гнул спину, чтобы тягач «Бернар» вовремя смог доставить лес в Париж. На такие чужаков не пускают. Нет, его «Дьяволица» не для столичных шутов. Дома они вели себя тише воды ниже травы, а в его родном Буживале галдели да девок смущали.

Мари из-за одного из таких хахалей утопла. Видная была девка: и нос, и корма — всё на месте, да и умом в отца пошла. А тут объявился один столичный, из тех, кто каждый четверг в «Лягушатню» на канкан приезжал поглазеть, да и сгинула сестрѐнка... Сейчас уже с племяшем мясника бы повенчалась, деток бы нарожали... Тьфу, да и только! Нашли тогда Мари мѐртовой. «Утопла» она... Как могла утонуть сестра шкипера, ведь всю жизнь на воде жила! Да река ей — мать родна!

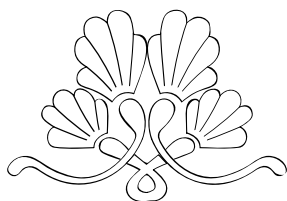
Вспоминая о сестре каждый четверг, в день балов в «Лягушатне», Эмиль всегда пил. Вот и накануне хлебнул бутылочку дешѐвого синего вина из Аржентѳа и прикемарил.

Проснулся рано — ещѐ собаки булочника не брехали, а тот встаѳет печь свои булки в восемь склянок. Надо было покрепче перевязать оставшиеся десять брѐвен, чтобы не скатывались. Эмиль разогнул огромную спину и потянулся. Работа прежде всего. Пока потел, утренняя дымка рассеялась. Эмиль облокотился на борт и закурил. Его Сена спокойно уносила прочь от суетного Парижа. Вдали показалась одинокая лодка.

Эмиль достал бинокль, хмыкнул и посмотрел ещѐ раз. Такие лодки использовались для развлекательных прогулок. Хм, откуда она тут оказалась? Ничья? Что ж, была ничья, а станет его. Недолго думая, буживальский речной волк спустил шлюпку со своей «Дья-

волицы», прыгнул вниз и быстрыми, ловкими движениями погреб в сторону отбившейся от стада овцы.

Через десять минут он догнал беглянку, схватил её лапичей за борт и подтянул к себе. На дне лодки лежала девушка в белом платье. Босая, с растрёпанными рыжими волосами. Она как-то неестественно уставилась большими глазами в небо, а левой рукой прижимала к груди не то какой-то кулон, не то медальон. Эмиль протянул руку и пощупал пульс девушки — она была мертва...

Глава 2

Мечты о будущем и о любви

12 мая 1912 г., воскресенье

Дени крался по папиной мастерской, стараясь не наступать на разбросанные по паркету тряпки, тубики с красками и баночки с маслом.

— Это твоё последнее слово, предатель? — обратился он к мольберту, угрожая деревянной каракатице веником. — Как ты посмел? Наши позиции врагу? Немцы убили моего деда, а ты... Военный суд приговаривает тебя к смерти!

Мальчик размахнулся, и в следующую минуту поверженный мольберт грохнулся на пол. За ним полетела на кровать подставка для холстов и готовых картин.

Попугай из клетки у окна затараторил: «Каррамба! Каррамба!»

Дени съезжился, метнулся за ширму и замер. Рядом с ним стояла раковина с замызганным полотенцем и двумя злыми кусками мыла: один для рук, второй — для кистей. Под краном набухла и сорвалась вниз капля вода. Кап!

Дверь открылась. В мастерскую зашёл отец:

— Что это?.. Что ты опять натворил?! Дени!

Мальчик почти не дышал.

— Дени! В папину мастерскую заходить нельзя! Я говорил тебе это: да или нет?

Молчание.

— А ну-ка вылезай оттуда! Сейчас ты у меня получишь!

Люсьен де Фижак бросился и резко отодвинул ширму. Дени выставил руки перед собой и попятился к стенке.

— Папа, извини! Извини, папочка! Не надо!..

Отец схватил Дени за шкурку и выволок на середине комнаты.

— Я покажу тебе, как не слушаться! Ишь, всю мастерскую мне разворотил, щенок! Снимай штаны!

— Люсьен, прекрати! — Голос у двери звучал так, что ему невозможно было не подчиниться. Де Фижак выпустил Дени, но тут же огрызнулся:

— Не вмешивайся! Это мой сын, и я сам решаю, как его воспитывать!

Мальчик юркнул к выходу. В дверном проёме стоял дядя Габриэль. Папа называл своего лучшего друга «Ленуар», «Чёрный». Дени точно не знал, фамилия это или прозвище. Мама говорила, что, даже если у дяди Габриэля усы, волосы и костюм были чернее золы, душа у него добрая. И глаза голубые. Чуть что, мама всегда советовала обратиться за советом к Чёрному.

Дядя Габриэль пригладил широкой ладонью густые волосы и почесал небритую щеку.

— Ты с кем тут сражался, малец?

— С немцами.

— Победил?

— Ага.

— Люсьен, твой сын победил бошей! Причем, судя по всему, победа была разгромной, а ты скандалишь.

Габриэль взял листок бумаги и, сев на пол, сложил из него кораблик.

— Держи, парень! Давай это будет «Дункан», бригантина, на которой дети капитана Гранта отправились искать отца и совершили кругосветное путеше-

ствии. Продвигаясь со скоростью пятнадцать узлов, они добрались до мыса Горн и...

— Ты бы лучше помог порядок навести, а не языком трепал, — проворчал де Фижак.

Дени взял у Габриэля кораблик, кивнул ему и исчез за дверью.

— К матери побежал жаловаться.

— А Беатрис дома?

— Да, она с младшими у матери моей на втором этаже.

Когда-то доходный дом на улице Бонапарта купил дед Люсьена. Постепенно квартирантов заменили младшие де Фижак, а потом их дети и внуки. Сегодня весь дом принадлежал одной семье, соседи его так и называли: «улей де Фижак». Жили небогато, но прилично. Сам Люсьен давно обзавёлся женой, тремя детьми и лысиной. Он зарабатывал на хлеб тем, что писал на заказ портреты. Свою мастерскую он считал крепостью и убежищем и методично защищал её от любых посягательств многочисленных родственников и детей.

— Я же не со зла! Здешнюю вонь от керосина и льняного масла может спокойно выносить только мистер Флинт...

— Каррамба! Каррамба! — отозвался попугай.

— ...детям нужны не папины картины, а свежий воздух и движение! К тому же, если они мне портрет какой попортят, сами потом без курицы на обед останутся. Вот будут у тебя свои дети, увидишь, как с ними трудно.

— Хотелось бы. — Габриэль поднялся с пола и молча отряхнулся.

— Ленуар, хм, извини, я не хотел... Я тебя что позвал-то сегодня. С натурщицей новой познакомился. Выходил из лавки художников на улице Мабийон, а она стоит у кондитерской «Медичи» и с аппетитом

надкусывает пирожное «Пари-Брест». В общем, напомнила она мне её. Такая рыжая, в очках... Ну, сам увидишь!

— Ну зачем ты это делаешь? Столько лет прошло...

— Прошло-то прошло, но ты ведь её так и не забыл.

— Как я её могу забыть?

— Пора забыть, Габриэль. Элизу не спасти и не вернуть. Хватит уже траур носить, у тебя ещё вся жизнь впереди. Надо и о себе подумать. Это я тебе как её брат и как твой лучший друг говорю.

В дверь квартиры постучали. Де Фижак открыл, и в комнату вошла совсем юная девушка в очках. Она деловито протянула Габриэлю руку и представилась:

— Анаис Марино. Люсьен не предупредил меня, что будет не один. Вы тоже художник?

Девушка действительно очень походила на Элизу. Те же зелёные глаза и усыпанный веснушками нос. Та же подростковая угловатость. Только волосы у неё были аккуратно уложены на затылке, а Элиза любила косы.

— Ваш друг немой? — обратилась девушка к Люсьену.

— Гм, нет, — возразил Габриэль.

— Так вы художник?

— Я... Я поэт. — Ему показалось неуместным портить девушке настроение, называя свою истинную профессию.

— О, как Гийом Аполлинер?

— Как Жан-Батист Мольер!

— Предпочитаете классику?

— Люблю хорошую литературу.

— Это Габриэль Фульк Ленуар, — представил друга Люсьен.

Девушка вскинула тонкую бровь:

— «Фульк»? Какое странное второе имя. Немецкое? Как «фольк» — «народ»?

— Вам виднее, мадемуазель, — ответил Габриэль.

— Это старинное имя его предков, герцогов Анжуйских! Отец Габриэля увлекался историей, вот и выбрал такое имечко для своего отпрыска, — доверительным тоном сообщил Люсьен.

— Я польщена, что сегодня меня будет рисовать потомок герцогов Анжуйских. Кажется, от них начинается ветвь династии Плантагенетов. Английские короли тоже у вас в родственниках?

— В дальних. Настолько дальних, что я давно не считаю себя джентльменом.

— Благородство не в том, кем вы себя считаете, а в том, как вы себя ведёте, мсье Ленуар.

Люсьен сгрёб последние тюбики с красками, валявшиеся на полу, и суетливым жестом пригласил натурщицу проходить.

— Анаис, здесь, за ширмой, можете переодеться. Я приготовил для вас костюм Шахерезады. Вы не возражаете?

— Если мне не придётся рассказывать вам сказки, чтобы сохранить себе жизнь, то не возражаю, — улыбнулась девушка и скрылась за ширмой.

Люсьен отодвинул от стены два сундука и установил перед ними мольберты. Затем наклонился к другу и прошептал:

— Ну, как она тебе?

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Как Элизе. Совсем ещё ребёнок.

— Ты её старше не на всю жизнь, а всего на двадцать лет.

— Брось... Я ведь не жених на выданье, а ты не сваха.

Тем временем девушка отодвинула ширму и предстала в роли Шахерезады. Атласные шаровары и расшитый верх изящно подчёркивали естественные

изгибы её тела. На шее висели часы, а на голове красовался расшитый искусственным жемчугом тюрбан. Анаис подожгла спичку, задула огонь и, посмотрев в зеркальце над раковиной, подвела чёрным цветом рыжие брови... Художники переглянулись, и Люсьен заплодировал.

— Вы настоящая правительница Востока, Анаис! Какая грация! Устраивайтесь на кровати. Первая поза будет длиться сорок пять минут.

Приятелям и раньше приходилось вместе рисовать с натуры, но обычно Габриэль к натурщицам был равнодушен. В глазах большинства из них читались усталость и безразличие. Они передевались и принимали позу, будто слово «искусство» происходило от слова «ремесло». Умение простоять пять минут в неподвижности, как древнегреческая статуя, им казалось достаточным, чтобы заработать своё жалованье. Натурщиц было много, а музы — наперечёт. Вместо заряженных небесным огнем богинь стояли холодные статуи. Мало кто понимал, что для творчества художнику душа модели была важнее её тела.

А эта девушка понимала. Она присела на кровать и посмотрела на свои часы. Затем выгнулась, обхватила плечи тонкими пальцами и посмотрела на друзей. При этом взгляд её был не отрешённым взглядом переодетой в костюм девушки. Нет, он обжигал, притягивал. Иллюзия сказочницы из «1001 ночи» получилась настолько убедительной, что у Габриэля побежали мурашки.

Люсьен подобрал живот, посмотрел на модель и поставил точку на натянутую на деревянный каркас бумагу. Отмерив карандашом пропорции, он попыхтел и поставил вторую точку... Как настоящий академист, Люсьен работал медленно, вырисовывая каждую деталь. Его рисунки, словно живые люди, рельефно

проступали с картин. Однако картины де Фижака реалистично передавали детали, но не передавали сути человека.

Сам же Габриэль Ленуар был мастером карикатур. В своих рисунках он подчёркивал главные «выпуклости» своих моделей. Благодаря этому таланту у него всегда были плохие отметки по черчению и прекрасные отношения со всеми школьными хулиганами.

Он взял кусочек угля и сделал быстрый набросок Анаис. На это у него ушло не более пяти минут. Затем он отложил уголёк в сторону и устался на натурщицу.

Девушка сначала слегка поджала губу и ещё раз посмотрела на часы. А через несколько минут не выдержала и сказала:

— Господин Ленуар, вы уже закончили?

— Мне не нужно много времени, чтобы изобразить вашу очаровательную улыбку.

Анаис смутилась, но тут же нашлась:

— Держу пари, что вы только улыбку и изобразили! Как у Чеширского кота.

— Вашим губам я действительно уделил особое внимание. Мне куда милее ваши уста, чем мои листы. Пришлось отложить уголь в сторону, — развёл руками Габриэль.

Анаис снова покраснела. Габриэлю доставляло удовольствие смущать девушку.

— Господин Ленуар, срочно предъявите мне результат ваших пятиминутных стараний! И имейте в виду: я всё равно возьму двойную плату за сегодняшнюю работу!

Габриэль повернул к ней лист, и Анаис весело и громко рассмеялась. Почти половину рисунка занимали огромные глаза и губы, на щеках чернели точки веснушек, и в целом вместо томной Шахерезады на Анаис смотрело свежее молодое личико.

— Ха-ха-ха! Ленуар, я буду называть вас Чёрным котом, потому что вы рисуете как кот хвостом!

— А вы всем жертвам искусства подбираете подобные клички? — спросил Габриэль.

— Габриэль, ты опять меня сбиваешь. Я только настроился — не отвлекай Анаис! — проворчал Люсьен.

— Нет, но в моем личном зверинце только Люсьен, вы и художники из Клуба кобальта.

— И с какими животными мне приходится делить эту честь?

— С Псом, Медведем, Петухом, Лягушкой, Аистом, Ежом, Волком и Попугаем.

— Какой нескладный вышел зверинец.

— А люди вообще очень разные по своей природе...

— Попугай — это ты, Люсьен? Поздравляю!

— Да, но прошу вас, не отвлекайтесь! Я работаю! — отозвался Люсьен.

— Значит, я Чёрный кот.

— Да.

— И в чем же заключается моя природа?

— Вы независимый и когтистый.

— А другие художники чем заслужили свои клички?

— А вы приходите туда в следующую пятницу и самостоятельно с ними познакомитесь. Я поговорю с основателем клуба. Если согласитесь рисовать синим цветом, думаю, возражать он не будет, — сказала Анаис.

— С чего вы взяли, что мне будет интересно с ними познакомиться? Один их перечень звучит угрожающе!

— Кто ничего не боится, не хочет и ни на что не надеется, тот не может быть настоящим художником.

— Да, почему бы тебе не сходить с Анаис в этот клуб, Габриэль? Синий — твой любимый цвет! — съязвил раздражённый Люсьен. — По праздникам он одевается только в синее!

— Так, значит, вы не поэт, а военный? Или... полицейский? Я угадала? — предположила Анаис.

— Почти. Но одно ведь другому не мешает. Вот вы чего боитесь, чего хотите и на что надеетесь в этой жизни? — промурлыкал Ленуар.

Девушка опустила глаза и ответила не сразу:

— Я танцую в «Опера-Комик»... И мечтаю перейти в Опера Гарнье... А боюсь я только одного — что не смогу выбрать своё будущее.

— Окончательно выбрать будущее нельзя, потому что любое будущее постоянно меняется.

Они с Анаис снова переглянулись. Габриэль не выдержал её вопрошающего взгляда, и теперь настало время ему опускать глаза. Зачем он вообще умничает с этой девочкой? Она вполне самостоятельна и уверена в себе, чтобы со временем усвоить собственные жизненные уроки. Габриэль прикусил ус и попытался снова встать на рельсы легкомыслия:

— Что ж, мне очень повезло! Скоро может представиться случай изучить своих соперников. Где, вы сказали, находится этот Клуб кобальта?..

— Анаис, запишите ему адрес после сеанса, а теперь давайте всё-таки поработаем! — снова встрял Люсьен.

После ухода девушки в мастерской остался аромат её духов.

— Ну как тебе моя новая натурщица? Балерина!

— Нет, она не балерина, — возразил Габриэль. — Да и зовут её не Анаис Марино.

— Брось, Габриэль. С чего ты взял?

— Разве не очевидно? У балерин пальцы ног обычно искривлённые, а у этой девушки прекрасные нежные пальчики. Штрих первый, — сказал Габриэль, пытаясь объяснить ход своих мыслей.

— Хорошо, но зачем тогда она солгала?

— Не знаю. Но балерины в детстве не читают ни арабских сказок, ни Льюиса Кэрролла. Эти книги издавались как книги для взрослых. Ни одна простая француженка не могла себе позволить их купить. Моя мама, например, не могла. Штрих второй, — продолжал развивать свою мысль Габриэль.

— А ведь я тоже ребёнком не читал Кэрролла! Получается, что она из благородных, да? А почему ты думаешь, что её зовут не Анаис Марино?

— Ты слышал её акцент?

— Да, есть немного, а что? В каждой французской провинции люди говорят с собственным акцентом.

— У неё южная фамилия, а акцент не южный, заметил? Она родилась не на юге Франции и не в Италии. Она родилась в Германии. Поэтому и знает, что «фольк» с немецкого — это «народ». Штрих третий, и последний. Вот и получился твой портрет незнакомки.

— Хорошо, пусть так. Но она тебе понравилась?

— Люсьен, эта девушка очаровательна, но она же ещё совсем ребёнок...

— Сегодня ребёнок, а через пару лет уже верная супруга.

— Чепуха! Ни одна здравомыслящая девушка не захочет жить с таким, как я. Тем более такая леди. Ладно, мне пора. На этой неделе будем брать банду Бонно, мне надо ещё подготовиться.

— Банду Бонно? Жюля Бонно, анархиста, грабщего банки? Какой ты отважный, Габриэль Ленуар!

С этим агент Безопасности, как называли самый секретный отдел парижской префектуры полиции, спорить не стал.

Глава 3 Возвращение на землю

17 мая 1912 г., пятница

Черт! Зачем он вообще погнался за этой лодкой? Здесь же мертвечина! Таким, как она, не надо вощить палубу перед каютой. Сразу видно, что из благородных, из богатеньких... Её бы пальчиками только цветочки вышивать да в окошечко глядеть, не появится ли су-женный, на чём он там появляется.

Может, лучше вообще бросить это дело и айда обратно домой? Шкипер крякнул и посмотрел на берег. Нет, слишком поздно: вон Мартин из «Масляной лавки Буживаля» уже гонит лошадей поить. И с понтона, где прям на воде построили «Горячие бани», хозяин уже зыркает в сторону Эмиля. Скоро Сена окончательно оживёт. Проснутся другие лодочники, засуетятся грузчики, прибегут носильщики воды, собачьи цирюльники, прачки, рыбаки, бродяги... Что тут поделаешь? Его уже заметили — придётся тащить лодку с мёртвой до берега, прости господи! Эмиль перекрестился, привязал лодку к шлюпке и погреб обратно.

Гребёт-гребёт, а в голове червячок роет свою дырочку. А что девушка в руке-то зажала? Может, медальончик какой? Взял бы, и продать можно будет. Вон, Клеман с «Эксельсиора» однажды тоже так целое сокровище нашёл! Выловил труп собаки, а на той цепочка золотая. Что только не придёт в голову этим

благородным господам! Золотую цепочку на собаку напялили! Во дают! У Эмиля штанов-то чистых нет, обноски носит, а эти собаку наряжают! Клеман тогда цепочку себе взял. Вся лодочная братия одобрила. Пошли отмечать в ресторан «Гордый петух». Может, и Эмилю на этот раз повезёт?

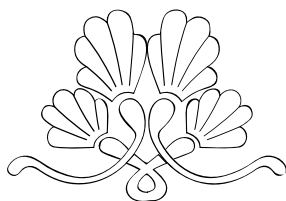
Шкипер снова склонился над девушкой. Грех было мёртвую раздевать, но зачем ей теперь украшательства? Эмиль ещё раз подтянул к себе чужую лодку и пощупал находку. Серебро, точно серебро! Жилистые пальцы скользили по медальону в поисках застёжки. Ничего. Эмиль оглянулся. Мартин скакал по мелководью на своём коне и не обращал внимания на лодочника. Тогда Эмиль наклонился и одним движением сдёрнул цепочку с шеи девушки. Цепочка повралась, ну да ладно. Осталось теперь только пальцы разжать, а то вцепилась молодуха мёртвой хваткой... Эмиль с хрустом разогнул пару пальцев, сломав девушке ноготь. Этого оказалось достаточно, чтобы вытащить из ладони... Часы! Хороший улов! Ай да Эмиль, ай да молодец! Часы стоят дороже, чем разные медальончики! Да какие нарядные! Корона на них и надпись. Эмиль был неграмотен, не разобрал, что там было написано. Ну, это не главное. Открыл часики — тикают! Значит, рабочие. За это ещё больше денег дадут.

Эмиль связал цепочку узлом, сунул часики себе в квадратный карман и вздохнул с облегчением. Пощупал гладкий кругляш серебра, и тепло ему стало на душе. Теперь тоже всех пригласит в «Гордого петуха», да и свечку за Мари поставит. Оставшиеся деньги на буксир отложит. Теперь, дай бог, хватит.

Погрѐб дальше. Пришвартовал свою шлюпку к родной «Дьяволице», поднялся на борт и заорал:

— Мартин, дуй за полицейским! У меня тут девка
окоचурилась!

Так звонко кричать умели только лодочники. Через
минуту про мёртвый груз знала уже вся набережная
Буживаля. У «Дьяволицы» собирались дети. Подоспев-
шие прачки гудели и смотрели, не вынесет ли Эмиль
труп. Но Эмиль был представителем речного народа
и на берег выходил только в церковь или в бар. При-
ходилось ждать полицию.

Глава 4

Палочка-выручалочка

Шеф бригады краж и убийств Марсель Пизон был сегодня не в духе. Он взглянул на пожелтевшие портреты президентов Третьей Республики, а потом на часы. Время обеденного перерыва уже давно прошло, а его главный агент с утра носа не показывал. В общем зале собрались и другие агенты, но тут нужен был человек с головой.

Пизон достал из первого ящика стола тряпку и принялся тщательно вытирать учебники, кодексы и полицейские должностные инструкции, аккуратным рядком сложенные у него в шкафу. Не то чтобы там успела накопиться пыль, но сегодня Пизон волновался. И поскольку волноваться шефу бригады приходилось в последнее время каждый день, его кабинет сиял пугающей чистотой. Здесь даже запрещалось плевать на пол.

Вошёл секретарь. Он нёс стопку бумаг, но, увидев начальника с тряпкой в руках, застыл как вкопанный в дверях и отвёл взгляд на тюлевые занавески. Они были такими же чистыми, как белоснежная манишка Пизона.

— Всё в порядке, ш-шеф? — предчувствуя недоброе, спросил секретарь.

— Где Лемуар? — рыкнул в ответ Пизон.

— Ещё не появился.

— Разве я не говорил, что хочу срочно его видеть?

— Говорили, но я...

— Каби, за что я вам жалованье плачу? За то, чтобы вы перекладывали с места на место кучу бумаг? — при

этом Пизон в сердцах бросил тряпку секретарю прямо в лицо. — Мне здесь не собачки нужны, а ищейки!

Каби часто заморгал, больше от унижения, чем от пыли. Затем медленно положил документы на стол Пизона и гордо выпрямился.

— Господин Пизон, п-позвольте... Я знаю, что вы мой начальник, но ваше поведение оскорбляет мою честь. Д-думаю, что на сей раз с меня хватит. Я п-подаю в отставку! — уже в полный голос окончил Каби свой достойный монолог и развернулся к двери.

— Куда?! — заорал на него Пизон. — Отставить отставку! Иначе сейчас запущу в вас этой чернильницей!

Секретарь снова замер на месте.

— Что за малодушие, Каби? Как будто вчера родились! Лучше приведите ко мне этого негодяя Ленуара! Не человек, а проходимец какой-то! Хочет — ходит на работу, не хочет — не ходит. На каторгу его сошлю, пусть там попроходимствует, мерзавец! — продолжал реветь Пизон.

На этой торжественной ноте в дверном проеме возник сам Ленуар.

— Несчастный мерзавец к вашим услугам, шеф! — сказал он, пропуская Каби обратно в приёмную.

— А, Ленуар! — немного растерялся Пизон. — Что-то ты припозднился сегодня.

— Прошу прощения, шеф. Вы же сами сказали, что все, кто участвовал в операции по захвату банды Бонно, могут взять пару выходных.

Пизону вдруг стало жарко. Он оттянул толстым пальцем воротничок, затем повернулся к Ленуару и примирительно проворчал:

— Ты хоть бы волосы причесал да костюм погладил, Габриэль! А то вечно помятый ходишь! Словно бандит какой-то.

— Что-то случилось? — понял наконец состояние начальства Лемуар.

— Случилось... — окончательно понизив голос, проговорил Пизон и вытер платочком пот со лба. От этой жары просто некуда деться! Начальник бригады краж и убийств с трудом втиснулся в щель между старым креслом и столом и с облегчением сел.

— Лепин хочет поручить нам какое-то новое дело? — снова догадался Лемуар.

— Какое-то дело? Да, только не просто какое-то дело! А дело государственной важности, Лемуар! Дело чести Франции и французской полиции! Сегодня ночью один тип в Буживале вытащил из Сены лодку с мёртвой девушкой. А местный полицейский ничего умнее не придумал, как притащить её на своей кляче в наш морг.

— Разве этим не должны заниматься местные коммисариаты?

— Оказалось, что это София, дочь Вильгельма фон Шёна. Знаешь его?

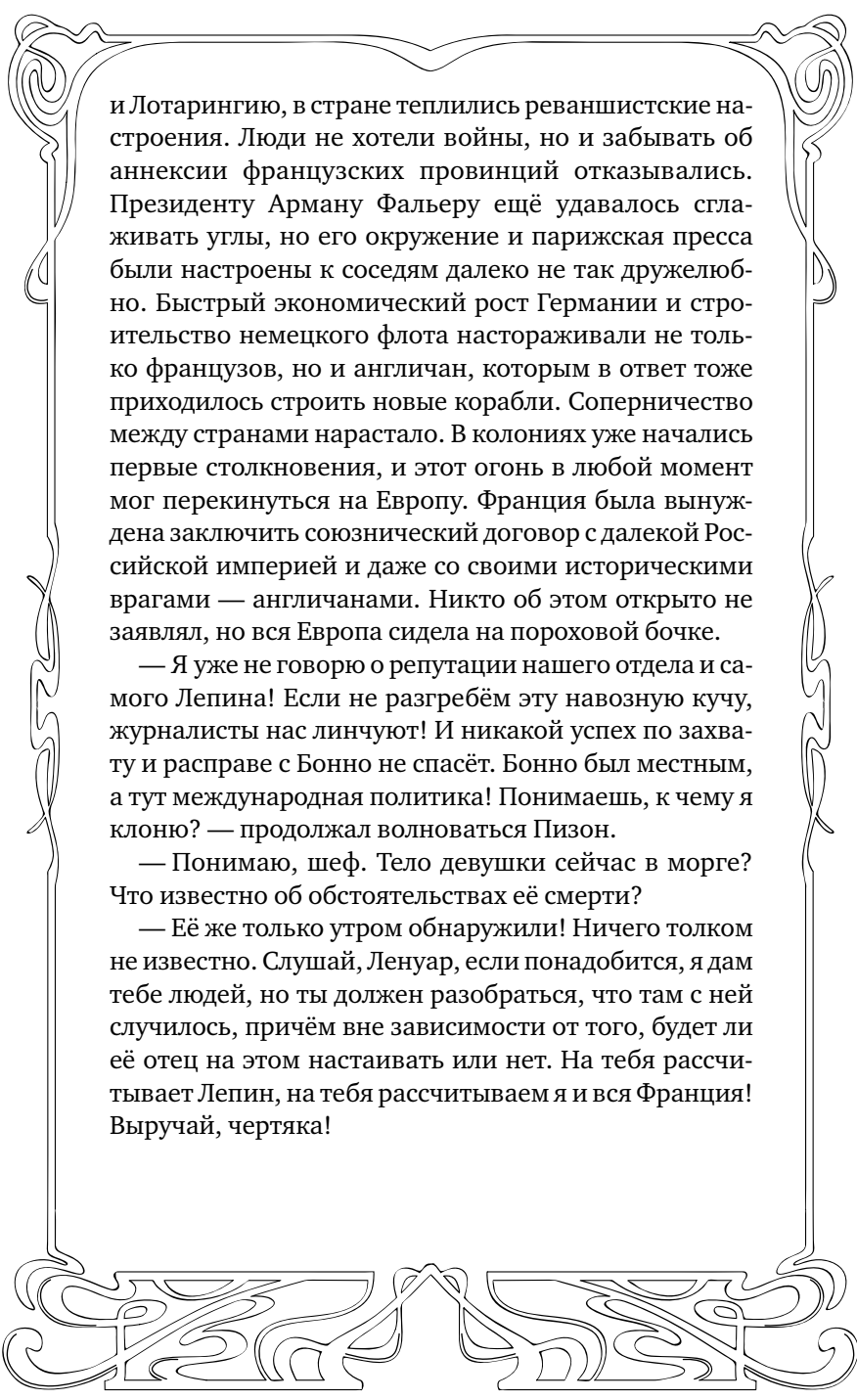
В ответ Лемуар только пожал плечами.

— Вильгельм фон Шён, — продолжил Пизон, — служит в Париже послом Германской империи. Его сын Вильгельм тоже метит в дипломаты, дочь приехала в Париж учиться в пансион мисс Дженкинс, а сегодня утром при непонятных обстоятельствах найдена мёртвой.

— Так её убили или нет?

— Вот это тебе и предстоит выяснить. Лепин хочет, чтобы этим делом занялся именно ты. Тут надо крестиком вышивать, иначе придётся ставить жирные крестики на нас самих! Ты только представь, какой будет скандал, если барышню уколошил француз.

Лемуар отлично мог себе это представить. После того как Франция потеряла в войне с Пруссией Эльзас

A decorative border in an Art Nouveau style, featuring intricate, flowing lines and floral motifs that frame the text on the page.

и Лотарингию, в стране теплились реваншистские настроения. Люди не хотели войны, но и забывать об аннексии французских провинций отказывались. Президенту Арману Фальеру ещё удавалось сглаживать углы, но его окружение и парижская пресса были настроены к соседям далеко не так дружелюбно. Быстрый экономический рост Германии и строительство немецкого флота настораживали не только французов, но и англичан, которым в ответ тоже приходилось строить новые корабли. Соперничество между странами нарастало. В колониях уже начались первые столкновения, и этот огонь в любой момент мог перекинуться на Европу. Франция была вынуждена заключить союзнический договор с далекой Российской империей и даже со своими историческими врагами — англичанами. Никто об этом открыто не заявлял, но вся Европа сидела на пороховой бочке.

— Я уже не говорю о репутации нашего отдела и самого Лепина! Если не разгребём эту навозную кучу, журналисты нас линчуют! И никакой успех по захвату и расправе с Бонно не спасёт. Бонно был местным, а тут международная политика! Понимаешь, к чему я клоню? — продолжал волноваться Пизон.

— Понимаю, шеф. Тело девушки сейчас в морге? Что известно об обстоятельствах её смерти?

— Её же только утром обнаружили! Ничего толком не известно. Слушай, Ленуар, если понадобится, я дам тебе людей, но ты должен разобраться, что там с ней случилось, причём вне зависимости от того, будет ли её отец на этом настаивать или нет. На тебя рассчитывает Лепин, на тебя рассчитываем я и вся Франция! Выручай, чертяка!

Глава 5

Печать смерти

Ленуар вышел из здания префектуры и зашагал вдоль набережной. Сыщик был рад, что у острова Сите, с его судом, полицией и казармами жандармов, ещё оставалось сердце. Оно билось в стенах собора Парижской Богоматери. Однако за лепным фасадом и разноцветными витражами собора возвышалось ещё одно массивное казённое здание. На Архиепископской набережной находился городской morg.

Всего каких-то пять лет назад morg был открыт для посетителей и соперничал по популярности с собором Парижской Богоматери. После каждой газетной статьи о совершённом преступлении люди и в снег, и в дождь приходили сюда стоять в очереди, чтобы хоть одним глазком посмотреть на жертву. Рабочие отпрашивались с заводов, жены — у мужей, школьники прогуливали школу — только бы первыми успеть на вернисаж смерти.

Выставочный зал на тридцать трупов находился прямо у входа. Сначала мёртвые тела выкладывали на мраморные лавки. Потом мраморные лавки заменили на железные, с приподнятой спинкой, чтобы посетители лучше видели лица покойных. От крови и влаги железо быстро покрывалось ржавчиной. Одежду представленных на обозрение публики экспонатов вешали рядом. При входе в зал чувствовался резкий запах карболовой кислоты, кое-как пытавшейся перекрыть трупный смрад. Люди зажимали

носы платочками, продолжая глазеть через стеклянную витрину на мёртвые тела. Все при этом шумели, болтали и делали важные замечания по поводу неподвижных соотечественников. Если морг был забит телами, то посетители считали, что выставка удалась.

«Хорошо, что Лепин прекратил это безобразие!» — подумал Лемуар. В жизни он мало кого уважал, но Луи Лепин был одним из самых дельных начальников парижской префектуры полиции. Именно он издал декрет о закрытии морга для праздных посетителей. Раньше, чтобы полицейскому осмотреть труп, приходилось пробираться через толпу и звать сторожа, чтобы тот зашторил выставочный зал для посетителей. Конечно, публика протестовала, все нервничали и ругались... Теперь совсем другое дело. Если личность трупа не была установлена, труп фотографировали и вывешивали фотографию снаружи. А в сам морг толпу уже не пускали.

Лемуар вошёл в обитель смерти и направился к местному Аиду — секретарю суда, который, кроме названия своей должности, никакого отношения к суду не имел. Господин Мёнье был здесь главным распорядителем. Он вел реестры, переписывался с официальными лицами, вёл статистику умерших, заказывал вскрытия трупов, принимал поступившие тела и выдавал их родственникам.

— Значит, дело о гибели девицы фон Шён поручили тебе? — спросил Мёнье.

— Да, надо же кому-то повышать статистику раскрытых дел.

— Ты не сыщик, а самодовольный болван, Лемуар! Вся работа за тебя уже сделана. Её опознали, и к завтрашнему дню, когда все бумаги будут заполнены, я передам останки семье, — при этом Мёнье пошёл

к одному из своих шкафов, вытащил тяжёлый реестр и положил его перед Ленуаром на стол.

— Значит, я вовремя! Надо хотя бы для отчётности взглянуть на тело, пока её не забрал достопочтенный фатер, — сказал Ленуар.

— Габриэль, там и дела-то нет. Наш врач её ещё утром осмотрел: никаких следов насилия. Вот, сам почитай.

Ленуар открыл реестр. Запись была сделана врачом-инспектором Антуаном Шуано, его другом: *«Вид смерти: внезапная смерть, следов насилия нет. Вещи: платье, подъюбник, панталоны и лента для волос. Место нахождения трупа: лодка на Сене близ Буживаля»*. Графа «Вскрытие» оставалась пустой.

— Мне сказали, что её нашёл шкипер прибрежной барки. Почему его не задержали? — полюбопытствовал агент Безопасности.

— Так ясно же сказано: следов насилия нет. За что прикажешь его арестовывать? За то, что он дамочку из Сены вытащил?

— А имя и адрес у него есть? Как девушку доставили в морг? Кажется, полиция на водах к этому рук не прикладывала, или я ошибаюсь?

— Нет, эти лишний раз надрываться не будут, — ответил Мёнье. — Её местный полицейский на телегу повалил, прикрыл одеялом, да так из Буживаля на лошадке и доставил. Сказал, мол, ясно же, что не местная фифа. Местные «таких платьев не носят». А буживальского шкипера, похоже, все знают. Полицейский сказал, что девушку вытащил Эмиль-отшельник.

— Понятно. А как ты спящую красавицу опознал? Или она поднялась с телеги и представилась? — спросил Ленуар, делая пометку в своей записной книжке.

— Вот ты всё ерничаешь, Габриэль, а кто, по-твоему, осматривает вещи усопших? На девушке посторон-

них предметов обнаружено не было, только одежда. Мой помощник сразу послал за фотографом, платье как следует не осмотрел. А после фотографии платье принесли ко мне, — на этих словах старый Мёнье немного поперхнулся, — и я кое-что заметил. Швея на подкладке вышила её инициалы «S.S.» и имя «София фон Шён». Я послал об этом официальное уведомление Лепину, тот сообщил семье. Отец и мать уже приезжали и опознали тело. — По тону голоса Мёнье было заметно, что он гордился своей внимательностью и профессионализмом. — Так что бригаде краж и убийств больше здесь делать нечего. Завтра передам тело семье, а они уже будут решать — проводить вскрытие или сразу хоронить.

— Мёнье, какой ты грамотный администратор! — проворчал Ленуар и добавил: — Дай мне осмотреть тело и можешь дальше реализовывать свой талант по части чтения, письма и разбора женской одежды.

Пока Мёнье доставал ключ от холодильной камеры, Ленуар думал о порученном ему деле. Дочь германского посла... Наверняка очередная аристократочка в поисках приключений отправилась за город, чтобы поразвлечься в компании друзей. А её, как в волшебной сказке, напоили и спать уложили... Надо узнать у Антуана, надругались ли над несчастной жертвой. Отец-посол, наверное, сейчас с ума сходит из-за всей этой истории. Сам виноват: куда смотрел? Делают детей, а потом отдают их на воспитание мамкам да нянькам с их романчиками и фельетончиками. Может, и хорошо, что у самого Габриэля нет ни жены, ни ребёнка. Его душа точно не выдержала бы такого потрясения, как смерть дочери.

Мёнье выдал Ленуару ключ, и сыщик направился в помещение за бывшим выставочным залом.

В нос сразу ударила сильная вонь. По проходам туда-сюда курсировали служащие в форменных халатах. Из приоткрытых дверей можно было увидеть кабинеты, в которых обычно проводилось вскрытие. Тут же стучали молотками и пилили доски столяры. Рядом с ними новые гробы разевали свои страшные рты, а чуть поодаль стояли гробы, которые уже успели отхватить свой кусок человеческого мяса. В том же помещении лежали носилки и решётки, на которых омывали тела ещё не разложившихся покойников. По углам висели лохмотья и сушились какие-то тряпки неизвестного назначения. Полы здесь всегда были влажными и липкими. Каким бы Габриэль ни был бравым сыщиком, здесь ему всегда становилось дурно.

Наконец он подошёл к сокровищнице морга, на содержание которой уходила половина всего бюджета этого мрачного учреждения. Гигантский бурый шкаф имел четырнадцать ячеек. У каждой своя дверца, а за ней — замороженный труп. Холодильная машина Миньона и Руара под давлением жидкого аммиака на один килограмм угля производила двенадцать килограммов льда. Последнего было достаточно, чтобы заморозить в шкафу все четырнадцать трупов.

Ленуару уже не терпелось отсюда уйти, когда к нему подошёл Антуан, рослый детина с белой шевелюрой и тёмными мешками под глазами.

— Девчонка у нас сегодня что надо, Габриэль! — сказал он хриплым простуженным голосом.

— Ты понял, что там с ней стряслось? — спросил Ленуар. Ему хотелось побыстрее покончить и с неприятной процедурой осмотра тела, и с самим делом.

— Не-а! Мёнье велел написать, что всё чисто. Скандала бояться, — сказал приятель, подрезая надежду Габриэля на быстрое расследование. — Следов убийства действительно нет.

— Обещана?

— Нет! Но не девственница.

— От чего же она умерла? Кто у нас эксперт, ты или я?

— От горлового кровотечения: лента в волосах кровью запачкана. Наверное, вытерла ею рот. Похоже, что у неё был туберкулёз, хоть и молода она ещё для таких дел. По-хорошему, нужно вскрытие, но мне не дают: как-никак, дочь посла... А что я? Против Мёнье и воли родителей не попрёшь! — пожал плечами Антуан.

— Ладно, Антуан, открывай ящик. Посмотрим побыстрому, и я дальше побегу.

Однако, увидев тело девушки, Ленуар замер. Побыстрому тут точно не получится...

— Что молчишь? Красивая, да? Жаль девчонку, — сказал Антуан.

Ленуару было не просто жаль девчонку. Увидев её тело, он словно оглох. У неё были мокрые рыжие волосы, большие глаза и губы. Те самые губы, которые он ещё неделю назад набросал на бумаге чёрным угольком. Те самые зелёные глаза, которые он надеялся увидеть сегодня вечером в Клубе кобальта. Выходит, на самом деле Анаис Марино была дочерью германского посла Софией фон Шён. Действительно — не балерина...

— ...А я ему говорю, что за свою практику уже вскрыл сотню девушек, и из-за этого ни одна из них ещё не забеременела! Хе-хе-хе! — продолжал гудеть Антуан.

Что же с тобой случилось, девочка? Неужели и вправду ненасильственная смерть? В прошлое воскресенье ты ведь не кашляла... Ленуар начал обходить и тщательно осматривать тело Софии. Действительно, никаких гематом, никаких порезов. Ступни ног запачканы — бежала босыми ногами по земле? Пару шра-

мов на правой коленке — в детстве поскользнулась и упала? Светлая полосочка на предплечье — кошка поцарапала? А что это за коротенькая голубая линия на шее с левой стороны?

— Антуан, а вот этот след оставили на живом или на мёртвом теле? — перебил приятеля Ленуар.

— А? Что? Вот этот? Хм, как-то я не обратил сразу на него внимания. Слушай, если бы она была в тот момент жива, то полоска была бы темнее. А так она почти незаметна.

В воскресенье на шее у Анаис, то есть у Софии, висели часы. Она их ещё использовала, чтобы отслеживать продолжительность позы. Может, сегодня ночью они тоже висели на шее девушки и кто-то их сдернул?

Ленуар с возрастающим интересом продолжил осмотр тела. И на этот раз взгляд его остановился на пальцах девушки. Ему показалось, что они слишком синие даже для трупа. Под ногти правой руки забился то ли песок, то ли грязь, а на указательном пальце левой руки сломался ноготь.

— А что у неё под ногтями?

— Белая краска и известь.

— Почему у девушки, умершей естественной смертью, под ногтями какая-то известь? А кровь на ленте её собственная?

— Я взял первые анализы крови, но на сравнение нужно время.

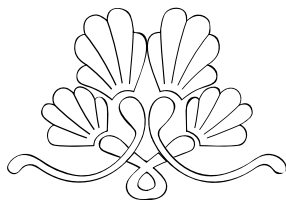
— Антуан, окажи мне услугу. Разморозь её тело и сделай полный анализ крови. И пару пробирок оставь про запас. Вскрытие всё равно не разрешат проводить, но, может, анализы что-то покажут, — попросил он приятеля.

— Пару пробирок? А это будет не слишком много для такой девочки? У меня остались только литровые, — растерялся Антуан.

— Сделай одолжение, а? Один сдашь на анализы, а второй пока попридержи на всякий случай. Ты прав, что-то тут не сходится. А козырей у нас в этом деле пока никаких нет. Так что давай работать...

Ленуар вышел из морга и на секунду остановился. Неподалеку сидел чумазый чистильщик обуви, стучал палочкой по деревянной подставке для ног и горланил песенку:

*Печать смерти получил,
И любовь ушла в трактир,
Чтоб не мучила икота,
Николя идет работать!
Раз-два, раз-два,
Не болела б голова!*

Глава 6

Конец мечтам

То ли от жары, то ли от городской пыли, но голова у Габриэля сегодня разрывалась от боли. После смерти Элизы родители тоже решили не проводить вскрытие. Действительно, если дочь упала с крыши семиэтажного дома, то причина её смерти всем очевидна, зачем издеваться над телом? Габриэль с её отцом пытались добиться правды, узнать подробности, но полицейские долго разбираться не стали. Сказали, что Элиза покончила с собой. Вероятно, из-за несчастной любви или с подружками поругалась. Да мало ли из-за чего может броситься с крыши семнадцатилетняя дочь антиквара?

А как она оказалась на крыше отеля Lutetia? О её гибели тогда даже в газетах не написали. Будто и не было ничего. Это сейчас Габриэль понимал, что директор отеля любыми способами хотел замять некрасивую историю. А тогда он был ещё молод, служил с дядей в банке, мечтал о том, как они снимут с Элизой квартиру, как будут читать старые книги и играть вместе в шахматы... Это она научила его этой игре. Нет, их любовь точно нельзя было назвать несчастной! Да и друг у Элизы не было. Днем она помогала отцу в антикварной лавке, а с Габриэлем встречалась по выходным. Сколько раз он поднимался с ней на крышу над их квартирой. Они говорили, говорили, говорили. Им всегда было друг с другом интересно. С ней он не боялся высоты. С ней он вообще ничего не боялся.

А потом его Элиза погибла. С тех пор он стал одеваться в чёрное и никогда больше ни с кем не хотел прожить вместе всю жизнь...

Тогда, будучи банковским клерком, он ничего не мог сделать. А сейчас он сам полиция и сидеть сложа руки не собирался. Софию фон Шён опознали, значит, на поиски пропавших часов в распоряжении Габриэля Лемуара оставалось меньше суток. Часы исчезли после смерти Софии, до её передачи в руки буживальского полицейского. В реестре морга с его слов записали, что на девушке никаких предметов, кроме одежды, не обнаружено. Но на ней точно что-то было, и это что-то Лемуар собирался найти сегодня же в пятнадцати километрах от Парижа.

До Буживаля можно было добраться на поезде или пароходе «Турист». Но ни тот, ни другой транспорт сейчас не годились: слишком долго. О лошади и говорить не приходится. Где ему сейчас её выдадут? Только посмеются над «рыцарскими замашками» полицейского в штатском. Оставалось одно: ехать на паровом трамвае с площади Звезды. Если отправиться туда немедленно, то через полчаса Лемуар уже будет стоять на остановке. Сказано — сделано. Предупредив Пизона о своей поездке, сыщик поспешил в сторону Елисейских Полей и Триумфальной арки.

Трамвай громко пыхтел, волоча за собой три вагона. Заплатив за билет во второй класс семьдесят казённых сантимов, Лемуар уселся у окна и со скоростью двадцать километров в час поехал в Буживаль. Дорога пролегла через Курбевуа, Нантер и Рюэй, и по пути Габриэль начал припоминать, что ему было известно про пункт назначения.

В своё время там жили и Сислей, и Моне, и Берта Моризо. А старик Вламинк до сих пор пишет местные пейзажи. В общем, город художников. Штрих

первый. В Буживале когда-то сочинил свою «Кармен» Бизе. А ещё тут жила Полина Виардо со своим русским любовником, то ли Турбеневым, то ли Тургеневым... С этими русскими фамилиями одно мучение. Другое дело Эмиль Габорио! В его первом романе детектив Лекок расследует историю именно в Буживале. Конечно, Габорио нагородил много несурезицы, но Ленуар его уважал и втайне мечтал, чтобы о его приключениях тоже когда-нибудь написали книжку. В общем, Буживаль — город музыкантов и писателей. Штрих второй. А ещё это излюбленное место отдыха парижан, где иногда их находят мертвыми... Штрих третий.

Сложившаяся картина напомнила Ленуару, что София фон Шён тоже крутилась в среде художников. Может, один из них и привез её покататься на лодке при лунном свете?

Тем временем трамвай прибыл на остановку Мост Буживаля, и Ленуар вышел. Эмиля и его «Дьяволицу» найти было легко. Продавщица станционного киоска сразу махнула рукой в нужную сторону.

— Эмиль сегодня лес отбуксировал, только недавно вот вернулся. Вы его там, на барже, найдёте. Он у нас отшельник, особняком держится, на берег почти не выходит.

Хм, если так, это хорошо, значит, и краденое сбыть не успел.

Габриэль Ленуар таких, как Эмиль, сравнивал с собаками, охраняющими хозяйский дом. Нормальные будут лаять, как научили. Самые опасные лаять не будут, только рыкнут и сразу укусят. А тщедушные будут вилять хвостом и вымалывать кусочек мяса. Осталось узнать, к какой породе принадлежал Эмиль-отшельник.

Ленуар позвал шкипера по имени. Тишина. Тогда сыщик прошёл по трапу и поднялся на баржу. Не успел

он сделать и нескольких шагов, как из каюты выглянуло небритое, сильно загорелое лицо. Глубокие морщины между бровями, седые сальные патлы, усталость в глазах. Этому человеку явно тяжело давался кусок хлеба.

— Эй, куда лезешь?

— Эмиль Трико по прозвищу Отшельник, правильно я понимаю? — спросил Лемуар.

Шкипер нахмурился и сплюнул.

— На «Дьяволице» других не водится.

Кажется, пёс явно из тех, кто кусает. Лемуар решил не церемониться: таких надо кусать первым.

— Эмиль, перед тобой агент парижского префекта полиции Габриэль Лемуар. Запомни, потому что повторять я не буду.

— Я уже всё нашему полицейскому рассказал, — прервал Габриэля Эмиль-отшельник. — Он на берегу, иди к нему.

На этом дверь каюты захлопнулась. Лемуар опешил. Он потел в трамвае не для того, чтобы какой-то нахал указывал, куда ему идти. Сыщик сам знал по крайней мере, дюжину адресов, куда мог послать это заросшее патлами чудо-юдо. И как теперь вытаскивать Отшельника из пещеры?

Сыщик вернулся к трапу и задумался. На дне баржи до сих пор валялись ошмётки древесной коры и куски бечёвки. Н-да. Недолго думая, Лемуар собрал из них кучку хвороста и сел покурить.

Что может быть для шкипера дороже его баржи? На ней он рождается, растёт, работает, воспитывает детей и умирает. Судя по «Дьяволице», она стоит не менее четырнадцати тысяч франков. На такой обычно живет вся семья: мужчины стоят у руля, женщины готовят, стирают, а иногда даже разводят кур, а босые дети играют на палубе. Большинство из них

даже в школу не ходят — жизнь изучают на воде, а не по учебнику. По воскресеньям шкиперы собираются между собой, дуются в карты, играют на аккордеоне... Странно, что у Эмиля нет семьи.

Ленуар сделал самокрутку, затянулся и, громко топая, прошёлся по палубе.

Выглянув из каюты, шкипер увидел, что непрощенный гость курит над кучей хвороста, и бросился к нему.

— Ах ты кот ободранный! Ты чего тут творишь, в гроб твою душу?

— Стоять! — резко скомандовал агент Безопасности, зажигая и занося спичку над сухой кучей древесной коры. — Не то я сожгу к чертовой матери твою «Дьяволицу».

Шкипер остановился и процедил сквозь зубы:

— Что тебе от меня нужно, начальник?

— Пары минут твоего внимания будет достаточно, — ответил Ленуар и уселся по-турецки на палубу.

— Что-что?

— Садись, Эмиль. Покалякаем.

Эмиль не двигался и молча смотрел на Ленуара.

— Во сколько ты сегодня нашёл барышню? — начал допрос сыщик, продолжая курить.

— В восемь склянок.

— Ты что, на флоте служил?

— Служил...

— Хорошо, значит, примерно в четыре утра. Лодка, в которой ты её нашёл, ещё у тебя?

По мрачному молчанию Эмиля Ленуар понял, что у него.

— В ней что-то было, кроме тела девушки?

— Нет, — честно ответил Эмиль.

— А на ней самой что-нибудь было, кроме платья? Украшения, брошки, записки?..

— Нет, — слегка смутившись, солгал лодочник.
Ленуар зажёл вторую спичку. Лодочник явно нервничал.

— С какой скоростью здесь течёт Сена?

— До трех километров в час, — с облегчением от того, что его спрашивают про родное, сказал Эмиль.

— Ладно, речной волк, не переживай: сегодня лодку я твою не сожгу, — проговорил Ленуар, пряча коробок спичек в карман. Эмиль выдохнул. — Но мне нужна твоя помощь. Во-первых, как, по-твоему, могло течение принести сюда девушку из самого Парижа?

— Нет, оттуда на пароходе четыре часа ходу. Шлюпка бы встала раньше. Ну, это... Прибилась бы к берегу сразу за Парижем.

— Хорошо. Вопрос второй. Из какого города сюда могло принести лодку с девушкой? Были в ней вёсла?

— Не было, — прохрипел Эмиль, потирая небритую щеку. — А лодка, наверное, из «Лягушатни» или из «Дома Фурнез» в Шату. Вы же сами берёте такие напрокат, чтобы поплавать с дамочками. Вам виднее.

— То есть из городов выше Шату она спуститься сюда уже бы не смогла? — пропустил укол лодочника Ленуар.

— Сюда бы не смогла. Пошла бы легонько вдоль правого берега острова, — махнул своей лапищей Эмиль на длинный остров, растянувшийся от самого Нантера до Буживаля.

— А мы, значит, смотрим на его левый берег... Понятно. Покажи лодку, в которой нашёл девушку.

Эмиль с неохотой двинулся к борту своей «Дьяволицы» и показал Ленуару на подвешенную на канатах лодку. Она была из красного дерева, с чёрным лакированным ободком и раздвижным табуретом для упора ног. Такие редко сдавались в аренду неопытным в навигационном деле парижанам. Догадка Ленуара под-

тверждалась тем, что на борту не было никакого регистрационного номера. Обычно при покупке лодки для развлечения праздной публики её надо было зарегистрировать в префектуре полиции. Значит, либо номер сбился, либо его сняли, либо лодка частная...

— Ладно. Если мне понадобится что-то ещё, я знаю, где тебя искать. — Ленуар сделал пару шагов в сторону трапа, похлопал себя по карманам и сказал: — Ах, кажется, часы забыл дома. Не подскажешь, который час? Боюсь на трамвай опоздать.

Эмиль сначала растерялся, но, желая побыстрее спровадить столичную ищейку, нащупал в кармане своей холщовой куртки часы, вытащил их, открыл и сказал:

— Почти семь. Вам нужно поторапливаться...

Не успел Эмиль договорить, как Ленуар схватил его за руку. Хватка у парижанина оказалась знатной — от такой не отмахнёшься. От неожиданности Эмиль замер.

— А цепочка-то на часах порвана. Значит, ты их всё-таки сдёрнул сегодня утром с девушки, да, Эмиль?

Лодочник рванул на себя, но тут же получил удар в живот и осел, выпуская из рук часы.

— Говори! — заревел ему в ухо разъярённый Ленуар.

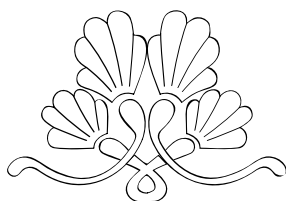
— Я... Я хотел продать... Она же мёртвая, зачем ей часы? А у меня мечта. Буксир хотел купить. Уже пятнадцать лет деньги коплю, — сломленным голосом признался Эмиль.

— Так, часы я конфискую для расследования. А ты... — Габриэль посмотрел на шкипера. Теперь тот походил скорее на побитого жизнью бродячего пса, чем на злую собаку. — А ты забирай себе лодку девушки. Доносить не буду. Договорись с вашим полицейским — лодка твоя. Может, и на буксир хватит.

На этом Габриэль Лемуар молча повернулся к трапу, лёгкой походкой спустился на берег и быстро пошёл обратно к трамвайной остановке.

Уже начинало темнеть. Сыщик достал из кармана свою находку и внимательно её осмотрел. Судя по ажурной отделке циферблата, серебряные часы явно стоили не одну тысячу франков. На откидной крышке была выгравирована изящная корона. Под ней в центре большими буквами было написано: «SOÑA», а справа проступали царапины, словно часть гравировки стерлась от удара. Лемуар немного знал испански, поэтому решил, что изначально там был написан глагол «SOÑAR», то есть «мечтать».

Опустив часы обратно в карман, агент Безопасности взглянул на мирно текущие воды Сены и вздохнул. В голове снова возник образ рыжеволосой Софии фон Шён. Когда они с Люсьеном рисовали девушку, она сказала, что мечтала танцевать в Опера Гарнье. Ложь это или правда, но в любом случае теперь этой мечте настал конец. Как и смутной мечте Габриэля Лемуара встретить Софию-Анаис ещё раз.

Глава 7

Лисьи коготки

18 мая 1912 г., суббота

Уткнувшись в свои бумаги, Каби аккуратным почерком делал очередную запись в присутственной книге своего начальника. За годы совместной работы Ленуар так и не нашёл с ним общего языка. Слишком многое их разделяло. Взять хотя бы прошлую неделю. Сыщик лично участвовал в захвате банды Бонно, одна пуля даже продырявила его шляпу. А Каби только рапорт об этом писал. Причем со слов Пизона, потому что у сыщика так и не возникло желание об этом рассказать.

— Ленуар, у входа в префектуру вас ждет какая-то мадемуазель, — процедил сквозь зубы Каби и снова устался в свои бумаги.

— Спасибо, Каби. Надеюсь, мне не надо расписываться в получении этого важного сообщения, — бросил ему Ленуар. От духоты в приемной ему всегда становилось дурно.

Оказавшись на свежем воздухе, Ленуар сразу понял, почему секретарь сегодня снова был таким мрачным. К сыщику подошла молодая женщина с большими карими глазами, из разряда тех, с которыми бедный Каби, наверное, встречается только в своих беспокойных снах. Из-под широкополой шляпы с рыжим пером выглядывали короткие каштановые волосы. Шею и плечи обволакивали белые кружева, переходящие в районе груди в длинное приталенное платье с двумя рядами пуговиц. Новый пиджак в форме дневного

смокинга органично дополнял весь ансамбль, но обувь явно была поношенной. Девушка захлопала длинными ресницами и улыбнулась. Очаровательное...

— Господин Лемуар? Меня зовут Николь Деспрэ, я работаю на газету Le Petit Parisien, — прервала девушка мысли агента Безопасности. Очаровательные создания журналистикой не занимаются! К тому же всех главных репортёров Парижа Лемуар знал. Эта женщина была либо новенькой, либо не работала журналисткой.

Он молча повернулся и пошёл к своему велосипеду производства фирмы «Ласточка». Девушка не растерялась, подобрала платье и быстро засемила рядом.

— Мне стало известно, что именно вы займётесь расследованием загадочного и ужасного убийства Софии фон Шён. Она ведь дочь посла могущественной Германской империи! Можете ли вы поделиться с нашими читателями своими первыми заключениями о том, каким образом злодеи расправились с невинной девушкой? Почему её оставили в лодке одну во мраке ночи? Встречались ли вы уже с безутешными родителями жертвы?

У Лемуара даже дух захватило от такого количества журналистских клише. Ему всегда казалось, что у подобного рода писак где-то внутри всегда был открыт словарь, из которого они выбирали только самые употребительные сочетания слов. Обиднее всего было то, что девушка всё-таки была настоящей журналисткой и, как это делают набившие руку репортёры, уже в вопросах предлагала готовые ответы косноязычному полицейскому. Ему же отводилась роль сухой функции, созданной для выражения только количественных данных. Может, её перевели в Париж из другого города?

— Мадемуазель Деспрэ, я вам не мешаю заниматься вашим делом, не мешайте, пожалуйста, и вы мне. У меня нет времени давать вам интервью. — Лемуар отвязал свою «Ласточку» и закинул ногу на педаль.

— Господин Лемуар, подождите! Я опытная наездница, давайте поговорим на ходу. Тогда это совсем не отнимет у вас времени, — при этом журналистка кое-как устроилась на багажнике «Ласточки» и уцепилась своими тонкими пальцами за велосипедное седло.

Какая настырная! Хорошо, раз дамочка настроена так серьёзно... Может, поездка по каменной мостовой отобьёт у неё желание совать нос не в свои дела?

Лемуар опустил правую ногу на педаль и поехал к набережной прямо через лужу.

— Можете начинать своё интервью, мадемуазель Деспрэ, — сказал он.

Заметив, что подол платья уже заляпан грязью, девушка тихонько чертыхнулась, но потом спохватилась и задала вопрос:

— Скажите, известно ли уже, с кем бедняжка Софи провела вечер накануне своей трагической гибели?

— Это мы попытаемся выяснить в первую очередь, — ответил Лемуар.

— Значит, мы сейчас направляемся на своём велосипеде к Вильгельму фон Шёну? — подпрыгивая на очередных камнях, продолжала допытывать вопросами журналистка.

— Именно туда я и направляюсь. Однако боюсь, что вас к нему не пустят, — сворачивая на Новый мост, ответил Лемуар.

— Говорят, девушка была босая, в одном платье. Были ли на ней ещё какие-то предметы, подозрительные следы?

— Никаких предметов не обнаружено, как и насильственных следов смерти.

